

Научная статья

УДК 343.62

DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10906

К вопросу об уголовно-правовой охране криоконсервированных человеческих эмбрионов

Юлия Викторовна Радостева

*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия*

la-venta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6118-3478>

Аннотация. Мир не стоит на месте. Стремительно развивающиеся технологии, с одной стороны, наглядно показывают неготовность общества и права к столь бурному развитию науки и уровню вмешательств в самую сущность человека, а с другой — отставание юридической науки и практики в оценке и осмыслении прав человека в данной области. Ярким примером этому выступают репродуктивные права человека.

Все более нарастающая тенденция в сфере вспомогательных репродуктивных технологий к криоконсервации эмбрионов человека обнажила проблему их надлежащей правовой охраны, в том числе и силами уголовно-правового принуждения. Имеющийся на сегодня пробел в уголовно-правовой оценке посягательств, направленных на недопущение возникновения новой жизни, требует соответствующего восполнения. И хотя подобного рода посягательства не причиняют непосредственно вреда жизни человека, поскольку последний еще не является рожденным, но они несомненно нарушают конституционные права потенциальных родителей, желающих родить ребенка. В связи этим автором предлагается внести в действующий уголовный закон норму, устанавливающую ответственность за умышленное уничтожение человеческих эмбрионов, предназначенных для использования в процедурах вспомогательных репродуктивных технологий, с системным размещением данной нормы в главе 19 УК РФ (Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина).

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны; жизнь человека; эмбрион; уголовно-правовая охрана; преступление

Для цитирования: Радостева Ю. В. К вопросу об уголовно-правовой охране криоконсервированных человеческих эмбрионов // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 63–72. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10906

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 18-29-14028 «Проект криминализации деяний в сфере исследования генома человека и других организмов».

Scientific article

On the Issue of Criminal Law Protection of Cryopreserved Human Embryos

Yulia V. Radosteva

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

la-venta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6118-3478>

Abstract. The world does not stand still. Rapidly developing technologies, on the one hand, clearly show the unpreparedness of society and law for such a rapid development of science and the level of interventions in the very essence of man, and on the other hand, the lag in legal science and practice in assessing and understanding human rights in this area. Human reproductive rights are a clear example of this.

The growing trend in the field of assisted reproductive technologies towards cryopreservation of human embryos has exposed the problem of their proper legal protection, including by the forces of criminal law enforcement. The current gap in the criminal-legal assessment of encroachments aimed at preventing the emergence of a new life requires appropriate filling. And although such attacks do not directly harm a person's life, since the latter is not yet born, they undoubtedly violate the constitutional rights of potential parents who want to give birth to a child. In this regard, the author proposes to introduce into the current criminal law a norm establishing liability for the deliberate destruction of human embryos intended for use in assisted reproductive technologies procedures, with the systematic placement of this norm in Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation (Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen).

Keywords: object of criminal law protection; human life; embryo; criminal law protection; the crime

For citation: Radosteva Yu. V. On the Issue of Criminal Law Protection of Cryopreserved Human Embryos. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 63-72. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10906 (In Russ.)

Funding: The research has been funded by the Russian Foundation for Basic Research within Grant No. 18-29-14028 A Project of Criminalizing Acts in Researching the Human Genome and Other Organisms.

Введение

С момента рождения первого ребенка, зачатого *in vitro*, прошло уже более сорока лет. За это время стремительное развитие биомедицины сделало обыденным то, что еще несколько десятков лет назад считалось скорее медицинским чудом. Так, например, развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) позволило получать большое количество эмбрионов надлежащего качества. При этом с совершенствованием методов ВРТ число переносимых в полость матки эмбрионов постепенно снижалось: от всех имеющихся на день переноса эмбрионов до одного или двух.

По результатам мониторинга за ВРТ европейским обществом по репродукции

человека и эмбриологии (European IVF monitoring of European Society of Human Reproduction and Embryology — EIM ESHRE), во многих европейских странах активно внедряется стратегия селективного переноса одного эмбриона в целях ограничения частоты многоплодных беременностей и сопутствующих им различного рода осложнений, а также для повышения достоверности выявляемых критериев качества переносимого эмбриона(ов) [24].

В Российской Федерации количество эмбрионов, переносимых в полость матки, регламентируется Приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях

и ограничениях к их применению»: «перенос эмбрионов в полость матки (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона)». В то время как ранее действующий Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» допускал перенос 3-го эмбриона по решению пациентки посредством дачи ей информированного добровольного согласия после предоставления полной информации лечащим врачом о высоком риске невынашивания беременности, низкой выживаемости и высоком риске инвалидности среди недоношенных детей). Кроме того, обоими документами допускается при определенных случаях использование донорских эмбрионов.

В связи с этим соответственно возрастает и потребность в сохранении неиспользованных человеческих эмбрионов, которые либо могут быть использованы в случае неудачного переноса эмбрионов в предшествующих процедурах ВРТ, либо позднее, если родители захотят иметь еще детей, либо в процедурах донорства эмбрионов. Таким образом, криоконсервация человеческих эмбрионов является одним из возможных альтернативных вариантов их использования.

Современные банки репродуктивных клеток и медицинские центры репродуктологии широко используют технологию сверхбыстрой заморозки — витрификацию, а криохранилища позволяют сохранять эмбрионы фактически не ограниченное время, после оттаивания эмбрион полностью сохраняет свои качества до заморозки. Из этого можно заключить, что наука и биомедицина сделали все для физического сохранения эмбрионов, чего не скажешь об их надлежащей правовой охране. Вопросы уголовно-правовой оценки посягательств на криоконсервированные человеческие эмбрионы более чем дискуссионны.

К числу наиболее спорных из них относится проблема квалификации умышленного уничтожения криоконсервированных

человеческих эмбрионов, как некоего возможного варианта «убийства» будущей жизни, напрямую соприкасающаяся с вопросом начала уголовно-правовой охраны самой жизни, решение которого предопределено самим объектом этой охраны.

И здесь обращает на себя внимание наименование раздела VII Уголовного кодекса РФ (далее по тексту УК РФ) «Преступления против личности», включающего в себя различного рода посягательства на человека, что является свидетельством различия законодателем уголовно-правовой охраны человека и любой иной живой субстанции.

1. Дискуссии в вопросе начала уголовно-правовой охраны жизни

Как это точно было замечено представителем уральской школы уголовного права, профессором, доктором юридических наук М. И. Ковалевым, длительное время возглавлявшим кафедру уголовного права и криминологии Свердловского юридического института, дискуссии вокруг начала уголовно-правовой охраны жизни заключены прежде всего в «констатации ее наличия или окончания, установлении момента ее начала и конца» [3, с. 30]. С этой позиции жизнь человека хронологически защищается от различного рода посягательств с момента рождения до момента смерти. В этих же границах, соответственно, охраняется и право на здоровье личности.

Однако за все время существования человечества не только не сложилось общего понимания этих моментов, наоборот, на фоне возможностей современной перинатальной медицины, а также возможных прорывных открытий в области разработки искусственных сред, обеспечивающих пренатальное развитие плода, дискуссионность в этой сфере только нарастает.

Несмотря на явную поливариативность мнений по данной проблематике, большинством правоведов начало жизни автоматически связывается с началом ее уголовно-правовой охраны. Однако не решенным при этом является вопрос относительно того, с какой позиции необходимо подходить к определению начала жизни: как к процессу или как к состоянию. Теоретическая

значимость этого вопроса во многом предопределяет и подход к разрешению проблемы установления ее начала, длительное время являющейся «камнем преткновения» и поводом для многочисленных дискуссий, условно делимых на две группы.

Первая группа связывает начало жизни и, соответственно, начало ее уголовно-правовой охраны с собственно процессом рождения. Вторая акцентирует внимание на том или ином состоянии: появлении любой части тела, первом самостоятельном вздохе, первом крике, перерезании пуповины, началом самостоятельной внеутробной жизни и т. д.

Так, по мнению А. А. Пионтковского «наиболее правильно, с точки зрения правосознания, охранять законом жизнь человека уже в самом процессе рождения. Поэтому следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок еще не начал самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начнет дышать» [7, с. 479].

Этой же позиции придерживался и С. В. Бородин, считавший, что «жизнь человека начинается с момента начала родов и заканчивается смертью. Началом жизни считается появление плода во время родов, поэтому лишение жизни человека в этот момент и позднее рассматривается как убийство. Посягательство на жизнь человеческого плода до начала родов не образует убийства» [14, с. 126].

Г. Н. Борзенков считал, что «в принципе возможно убийство ребенка, выходящего из утробы матери, в момент прорезывания его головки» [2, с. 19].

С моментом начала родов связывал начало жизни и Л. Д. Гаухман [19, с. 38]. Начало физиологических родов, как начало жизни человека считали Н. И. Загородников [6, с. 35], А. С. Михлин [18, с. 27] и др. в подтверждение указывая, что этот момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни.

Сторонников данной позиции можно найти и среди представителей дореволюционного уголовного права. Достаточно вспомнить работу М. М. Боротвинова «Детоубийство в уголовном праве» [1, с. 17], в которой при разграничении детоубийства от умерщвления плода ученым анализировались следующие подходы «Согласно одному мнению, защищаемому, между прочим германским имперским судом, с момента начала родового акта младенец должен рассматриваться не как зародыш или плод, а как человек, и лишение его жизни должно быть признаваемо убийством. Другое мнение обращает внимание не столько на время причинения повреждения, сколько на то, где последовало приложение силы — в утробе или вне утробы, и на этом основании относить к истреблению плода умерщвление его хотя бы и во время родов, после начавшихся родовых мук, но такими действиями (наложением щипцов, разрезыванием), которые прекращают его жизнь еще в утробе матери, к детоубийству — умерщвление действиями внеутробными, как, например, раздроблением головки, уже показавшейся из влагалища, задушением во время родов и т. п. Наконец, третье, господствующее и, казалось бы, наиболее правильное мнение — ставить признаком разграничения различия жизни несамостоятельной, утробной, от самостоятельной — внеутробной, характеризующейся главным образом началом дыхания. С точки зрения этого последнего мнения, следует признавать детоубийством, а не истреблением плода: 1) умерщвление младенца ранее окончания родового акта, еще не отделившегося от утробы, но уже начавшего дышать, и 2) умерщвление младенца, хотя бы и не начавшего дышать, если с отрезанием или оторванием пуповины прекратилась его связь с организмом матери. Второе в большинстве случаев мнение требует, однако, одной оговорки. В тех хотя и редких, но, по свидетельству медицинской науки, встречающихся случаях, когда начало дыхания совпадает с началом родового акта или даже предшествует ему лишение жизни ребенка до выхода наружу подлежащей части должно быть признаваемо не детоубийством, а умерщвлением плода».

Начало жизни человека с появлением из утробы матери какой-либо части тела ребенка, соответственно, изменение статуса «плод человека» на понятие «ребенок», отстаивал В. Д. Набоков [11, с. 5]. Поддерживал его спустя почти два десятка лет А. А. Жижиленко [5, с. 7].

Однако при столь весомой научной поддержке и представителей подхода, четко разграничивающего плод, как часть тела матери, и человека, отделенного от тела матери посредством родов, не меньше.

Так еще в 19 веке один из основателей немецкой классической школы уголовного права Пауль Йоханн Анзельм фон Фейербах рассматривая вопросы детоубийства, в качестве его признака выделял наличие жизни младенца после рождения и применительно к критерию способности его к жизни указывал, т. е. когда «младенец получил уже жизнь и члены, то есть живой членоустроенный младенец» [20, с. 75].

Альберт Фридрих Бернер под влиянием римского права указывал, что «эмбрион — часть матери, подобно как плоды — части дерева, и плод человеческий, не отделившийся от матери, существом самостоятельным признать нельзя» [16, с. 113].

Мнение австрийского и немецкого юриста Франца фон Листа о том, что «самостоятельное существование начинается с прекращением плацентарного дыхания и наступлением дыхания через легкие» [10, с. 5], также легло в основу многочисленных концепций уголовно-правовой охраны жизни, в том числе и благодаря развитию медицины. Так было установлено, что пока легочная ткань плода окончательно не сформировалась, процесс дыхания сначала происходит благодаря активной работе плаценты (примерно до 34–36 недели), однако затем, несмотря на то, что, начиная с 37-й недели легкие начинают разрабатываться, при дыхательных движениях плода они все же не расширяются. Соответственно, первый полноценный вдох происходит с рождением ребенка и сопровождается криком.

В числе сторонников данной позиции можно назвать одного из крупнейших отечественных криминалистов И. Я. Фойницкого, связывавшего начало жизни ребенка

с моментом его отделения от чрева матери и начала самостоятельного дыхания [21, с. 18].

С началом дыхания и отделением пуповины связано было начало жизни у М. Д. Шаргородского [23, с. 59]. По мнению еще одного представителя уральской школы уголовного права Н. К. Семерневой со ссылками на достижения медицины жизнь также связывается с процессом родов «начинающегося прорезыванием головки ребенка, выходящего из утробы матери, и заканчивающийся отделением ребенка от тела и первым самостоятельным вздохом» [12, с. 28]. Этого же мнения, связывающего первый вдох ребенка с моментом начала его жизни, говорит и Н. Г. Иванов [17, с. 38].

Несколько иного мнения придерживался еще один видный представитель дореволюционной отечественной школы уголовного права профессор Н. С. Таганцев, не связывавший начало жизни с дыханием и считавший, что такая позиция «не соответствует как теоретическому учению уголовного права о составе убийства, так и медицинской науке, и практике... Еще в прошлом веке повивальные бабки нередко «оживляли» бездыханного ребенка легким шлепком по ягодицам». В связи с этим началом жизни ребенка предлагал считать «отделение плода от организма матери, свидетельствующее о начале самостоятельной, внеутробной жизни» [15, с. 25–31].

Принимая во внимание, что одним из главных показателей жизнеспособности эмбриона является его сердцебиение, ряд авторов также учитывают его при определении состояния начала жизни. Так, С. Бояров начальным моментом жизни человека считает момент появления из организма роженицы части тела младенца, имеющего сердцебиение. Наличие или отсутствие дыхания может не определять первые моменты жизни. Сердцебиение же определяется задолго до рождения (авт.: начиная с пятой недели беременности, врач, проводящий ультразвуковую диагностику, отчетливо слышит сердцебиение плода) [3, с. 13–14].

Напротив, Р. Д. Шарапов за основу берет качественно иную характеристику и связывает начало уголовно-правовой охраны

жизни и здоровья с моментом начала жизни мозга: «...юридически жизнь человека есть жизнь мозга, и начало жизни мозга означает начало жизни человека. Следовательно, с правовых позиций начальная граница жизни человека на сегодняшний день как минимум должна связываться с появлением оформившейся массы мозговых клеток (рождением головного мозга), делающих плод жизнеспособным. А это происходит еще в материнской утробе задолго до рождения самого ребенка (к пятому месяцу беременности)» [22, с. 75].

Однако рядом ученых хронологические рамки жизни переносятся на еще более раннюю стадию, связывающую человеческую жизнь с самым ранним моментом — моментом зачатия. Так, А. Н. Попов считает, что человеческая жизнь начинается практически с момента зачатия, следовательно, и уголовно-правовая охрана жизни должна осуществляться с этого момента [13, с. 34]. Согласен с ним Л. Н. Линик [8, с. 23; 9, с. 16].

Таким образом, очевидна поливариативность представителей научного сообщества в вопросе начала уголовно-правовой охраны жизни, что вынуждает обратиться к имеющемуся нормативному материалу.

2. Нормативно-правовое регулирование момента начала жизни человека

Хронологически выстраивая границы возникновения жизни человека, можно выделить формирование и развитие человеческого зародыша, проходящего в своем внутриутробном развитии три стадии: проэмбрион (14 дней с момента зачатия); собственно эмбрион (8 недель с момента зачатия); плод (от 8 недель до момента рождения), и рождение человека.

Ст. 2 Федерального закона от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» определяет эмбрион человека как зародыш человека на стадии развития до восьми недель, что также соответствует медицинским критериям периодов зародышевого развития человека.

Соответственно, жизнь человека, а не его зародыша, будучи одним из объектов уголовно-правовой охраны, хронологически охраняется в пределах с момента рождения до момента смерти.

Ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» законодатель впервые нормативно определил момент рождения ребенка, связав его с моментом отделения плода от организма матери посредством родов.

Тем самым законодателем был фактически определен, как момент начала жизни, так и момент начала ее уголовно-правовой охраны. И даже указание законодателем в диспозиции ст. 106 УК РФ на возможность убийства матерью новорожденного ребенка во время родов не меняет этого.

В современной медицине роды рассматриваются как сложный многоэтапный процесс, не заканчивающийся изгнанием плода. Третий период родов — последовый начинается после полного рождения плода и заканчивается изгнанием последа (плаценты, плодных оболочек и пуповины) из половых путей роженицы. Именно в этот момент уже существует объект уголовно-правовой охраны, хотя сам процесс родов еще не завершен, и именно в этот момент возможно совершение указанного преступления.

Иное толкование фактически нивелирует само значение объекта посягательства как элемента состава преступления. Нельзя ставить знак равенства в посягательстве на реальный объект и посягательстве на несуществующий, но потенциально возможный будущий объект, по аналогии с охраной будущей вещи в гражданском праве.

Соответственно, с этих позиций имеющийся механизм уголовно-правовой охраны жизни из системного выделения законодателем родового объекта посягательств — личность, и видового — жизнь и здоровье человека, не позволяет распространить границы такой охраны и на эмбрионы человека.

3. Уголовно-правовая охрана криоконсервированных эмбрионов

Несмотря на вышеизложенное, принимая во внимание значимость самого плода человека, как предпосылку и гарантию возможности возникновения будущей жизни человека, становится очевидным необходимость создания специального

уголовно-правового механизма охраны эмбрионов, прежде всего от умышленных посягательств, имеющих целью их уничтожение. И здесь вновь возникает вопрос относительно объекта уголовно-правовой охраны и соответствующего системного размещения нормы, устанавливающей ответственность за умышленное уничтожение криоконсервированных эмбрионов.

Учитывая систему уже имеющихся в действующем уголовном законе объектов уголовно-правовой охраны, бесспорно, можно заключить, что умышленные действия, направленные на причинение вреда эмбриону, вплоть до его физического уничтожения, причиняют вред конституционным правам его несостоявшихся родителей, прежде в части реализации ими права на рождение ребенка. Поскольку целью любой криоконсервации человеческих эмбрионов является их сохранение для дальнейшего использования в процедурах ВРТ и рождения ребенка, то противоправное уничтожение любых криоконсервированных эмбрионов, в том числе и донорских, ограничивает права людей, желающих родить ребенка. Соответственно, считаем необходимым в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» разместить специальную норму, устанавливающую ответственность за умышленное уничтожение человеческих эмбрионов, предназначенных для использования в процедурах ВРТ.

Заключение

Подводя итоги сказанному, заметим, что в системе объектов уголовно-правовой охраны на первое место поставлена жизнь человека. При этом нормативное определение момента рождения человека в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», не только фактически предопределило нормативные рамки охраны такой жизни, но и создало пробельность в уголовно-правовой охране жизни на стадии зародышевого развития, отсутствие которой нельзя признать удовлетворительной.

Умышленные посягательства, направленные на причинение вреда человеческим эмбрионам, предназначенным для использования в процедурах ВРТ, вплоть до их физического уничтожения, не только не отвечают интересам общества в целом, нивелируют значимость самой жизни и негативно сказываются на нравственности членов этого общества, но и ущемляют конституционные права несостоявшихся родителей, прежде в части реализации ими права на рождение ребенка.

В связи с этим предлагается установление самостоятельной уголовной ответственности за умышленное уничтожение человеческих эмбрионов, предназначенных для использования в процедурах ВРТ, с системным размещением данной нормы в гл. 19 УК РФ.

Список источников

1. Боровитинов М. М. Детоубийство в уголовном праве. Санкт-Петербург, 1905. 29 с.
2. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. Москва, 2005. 144 с.
3. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13–14.
4. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / под. ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. Екатеринбург, 2019. 268 с.
5. Жижиленко А. А. Преступления против личности. Москва, 1927. 140 с.
6. Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. Москва, 1961. 278 с.
7. Кригер Г. Л., Пионтковский А. А., Ромашкин П. С. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6-ти томах. Т. 5. Часть особенная. Москва : Наука, 1971. 572 с.

8. Линик Л. Н. Конституционное право на жизнь: введение в теорию. Чебоксары, 2005. 157 с.
9. Линик Л. Н. Конституционное право граждан РФ на жизнь : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 1993. 21 с.
10. Фон Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Пер.: Ф. Ельяшевич. Москва, 1905. 427 с.
11. Набоков В. Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Санкт-Петербург, 1903. 219 с.
12. Новое уголовное право России : учебное пособие. Особенная часть / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецова. Москва, 1999. 391 с.
13. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 2001. 465 с.
14. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / С. В. Бородин [и др.] ; под ред. М. И. Ковалева. Москва, 1983. 480 с.
15. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Санкт-Петербург, 1870. 466 с.
16. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общ. и особ. В 2 т. Т. 2. Часть особенная ; С прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положительному магистрата уголов. права Н. Неклюдова ; Пер. и изд. Н. Неклюдова. С.-Петербург, 1867. 364 с.
17. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. Москва, 1998.
18. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В. И. Радченко. Москва, 2004. 704 с.
19. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. 2-е изд., доп. и перераб. Москва, 2005. 839 с.
20. Фейербах П. А. Уголовное право. Кн. 2 : Содержащая положительную и Особенную часть уголовного права : с приложением Российских уголовных законов, к каждому преступлению по-рознь относящихся. Санктпетербург : Типография Государственной коммерц-коллегии, 1811. 329 с.
21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Санкт-Петербург, 1901.
22. Шарапов Р. Д. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. № 1. С. 75–77.
23. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. Москва, 1947. 511 с.
24. Ferraretti A. P., Goossens V., Kupka M., Bhattacharya S., de Mouzon J., Castilla J. A., Erb K., Korsak V., Nyboe A. A. et al. Assisted reproductive technology in Europe, 2009: results generated from European registers by ESHRE. *Human Reproduction*. 2013, vol. 28, no. 9 pp. 2318–2331. Available at: <https://paperity.org/p/41642021/assisted-reproductive-technology-in-europe-2009-results-generated-from-european-registers> (accessed: 20 Jan 2022).

References

1. Borovitinov MM. *Infanticide in the Criminal Law*. St. Petersburg; 1905. (In Russ.)
2. Borzenkov GN. *Qualification of crimes against life and health: educational and practical manual*. Moscow; 2005. (In Russ.)
3. Boyarov S. Problems of determining the beginning of human life in criminal law. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2004;(4):13–14. (In Russ.)
4. Kozachenko IYa, Sergeev DN editors. *Genetic studies: legislation and criminal policy: collective: monograph*. Ekaterinburg; 2019. (In Russ.)
5. Zhizhilenko AA. *Crimes against the person*. Moscow, 1927. (In Russ.)

6. Zagorodnikov NI. *Crimes against life under the Soviet criminal law*. Moscow; 1961. (In Russ.)
7. Krieger GL, Piontkovsky AA, Romashkin PS. *Course of Soviet Criminal Law: Crimes against a Person and Her Rights. Economic Crimes*. In 6 volumes: Part Special. Vol. 5. Moscow: Nauka; 1971. (In Russ.)
8. Linik LN. *Constitutional right to life: introduction to the theory*. Cheboksary; 2005. (In Russ.)
9. Linik LN. *Constitutional right of citizens of the Russian Federation to life*: [abstract of dissertation]. Moscow; 1993. (In Russ.)
10. Von List F. *Textbook of criminal law. Special Part*. Trans.: F. Eliashevich. Moscow; 1905. (In Russ.)
11. Nabokov VD. *Elementary textbook of the Special Part of the Russian criminal law*. St. Petersburg; 1903. (In Russ.)
12. Borzenkov GN, Borodin SV, Volzhenkin BV, Komissarov VS et al. Kuznetsov NF editors. *New criminal law of Russia*. Textbook. Special part. Moscow; 1999. (In Russ.)
13. Popov AN. *Crimes against the person under mitigating circumstances*. St. Petersburg; 2001. (In Russ.)
14. Borodin SV, Voronin YuA, Galiakbarov RR, Zagorodnikov NI, et al. Kovalev MI editors. *Soviet Criminal Law. Part Special*. Textbook. Moscow; 1983. (In Russ.)
15. Tagantsev NS. *On crimes against life under Russian law*. St. Petersburg; 1870. (In Russ.)
16. Neklyudov N editors. *Textbook of criminal law: Parts: general and special*. Textbook of Criminal Law: Parts: General and Special / [Op. by] AF Berner; with appendices and additions on the history of Russian law and legislation of the positive master of criminal law N. Neklyudov. Vol. 2. St. Petersburg; 1867. (In Russ.)
17. Vetrov NI, Lyapunov YuI editors. *Criminal Law of the Russian Federation. Special Part*. Textbook. Moscow; 1998. (In Russ.)
18. Radchenko VI *Criminal Law. Special Part*. Textbook. Moscow; 2004. (In Russ.)
19. *Criminal Law of the Russian Federation. Special Part*. 2nd ed. Moscow, 2005. (In Russ.)
20. Feuerbach PA. *Criminal Law. Book 2: Containing the Positive and Special Part of Criminal Law: with the Appendix of Russian Criminal Laws, Relating to Each Crime Separately*. St. Petersburg; 1811. (In Russ.)
21. Foynitsky IYa. *Course of criminal law*. St. Petersburg; 1901. (In Russ.)
22. Sharapov RD. The beginning of criminal law protection of human life: experience of legal analysis. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2005;(1):75–77. (In Russ.)
23. Shargorodsky MD. *Crimes against life and health*. Moscow; 1947. (In Russ.)
24. Ferraretti AP, Goossens V, Kupka M, Bhattacharya S, de Mouzon J, Castilla JA, Erb K, Korsak V, Nyboe AA. et al. Assisted reproductive technology in Europe, 2009: results generated from European registers by ESHRE. *Human Reproduction*. 2013, vol. 28, no. 9 pp. 2318–2331. Available at: <https://paperity.org/p/41642021/assisted-reproductive-technology-in-europe-2009-results-generated-from-european-registers> (accessed: 20 Jan 2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радостева Юлия Викторовна кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, доцент кафедры уголовного права.

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23, оф. 410.

la-venta@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6118-3478>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Radosteva Candidate of Law Sciences, Associate Professor. Ural State Law University, Associate Professor of the Criminal Law Department, Ural State Law University.

23 Komsomolskaya st., off 410, Yekaterinburg 620137, Russia.

la-venta@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6118-3478>

Дата поступления статьи / Received: 15.02.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.02.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.
